

DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.032

УДК 94

М.В. ШУДРИК

аспирант Санкт-Петербургского
государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: shudrikmax@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ 1990-2000 ГОДЫ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ОПЫТ

Статья анализирует два крупнейших конфликта конца XX века – конфликт в Персидском заливе и Югославские войны. Конфликты рассматриваются в контексте информационных войн, исследовательский фокус работы сконцентрирован на оценке средств и методов, примененных в их ходе США и их союзниками. Статья хронологически обзора конфликт, делая акценты на операциях и акциях, которые были использованы в качестве средств психологического и информационного воздействия. В процессе сравнения этих конфликтов, определяются ключевые векторы развития виденья информационной войны в конце XX века, приводится оценка эволюции концепции информационных войн. Основная цель исследования – на основе приведенных конфликтов выделить конкретные использованные паттерны информационных операций, чтобы определить их возможности, причины и последствия их имплементации в ход боевых действий. Вывод, к которому приходит автор статьи, заключается в том, что к началу XXI США перешли к новому этапу развития своей военной доктрины, определив для себя информационную войну как один из ключей к достижению цели по сдерживанию развития многополярного мира. Исходя из этого вывода, автор подчеркивает необходимость актуализации военной доктрины Российской Федерации, которая бы учитывала вызовы, позиционируемые условным противником и современными реалиями, принимая во внимание богатый опыт США по проведению операций данного рода.

Ключевые слова: Персидский залив, Югославия, НАТО, СМИ, информация.

Введение. Информационная война – новая реальность всех конфликтов на международной политической арене, оформившаяся в концептуально революционный вид ведения боевых действий. Внедрение самого термина «информационная война» в научный оборот до сих пор остается предметом дискуссии академического сообщества, поскольку нет конвенциональной даты, от которой можно было бы начинать отсчет использования этого термина в исследовательской литературе. Тем не менее, в условиях текущей повальной цифровизации всех сфер общественной жизни и при прохождении этапа технологической революции, возможности технологического и экономического прогресса позволили крупнейшим странам мира преследовать свои внешнеполитические цели с помощью ведения информационных войн. На современном этапе подавляющее большинство любых политических конфликтов, особенно, открытых и активных,

не обходятся без информационно-психологических операций в качестве основополагающего инструмента осуществления враждебных действий.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 12; 15; 18; 19; 20].

Однако проблему информационных войн в контексте истории международных отношений нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Среди исследователей темы информационных войн нет единого определения сущности информационной войны, потому что теоретическая рамка данного понятия может быть трактована различно в зависимости от контекста исследования. Так, один из ведущих отечественных теоретиков вопроса информационного противоборства и информационных войн г. Почепцов дает следующее определение информационной войне: «Информационная война является самым интеллектуальным вариантом военного противоборства, поскольку и субъект, и объект воздействия здесь являются человеческим разумом» [16. С. 19]. Из этого определения можно сделать вывод о том, что, в отличие от всех остальных методов ведения боевых действий, именно информационная война фундаментально основывается на таких элементах как психологическое воздействие, пропаганда, внушение, и других составляющих, представленных в виде нелетального оружия.

Развивает вышеприведенное определение информационной войны и А. Манойло, говоря о том факте, что самое понятие информационной войны в отечественной науке появляется из перевода американских источников, где он фигурирует в виде *informational and psychological warfare* [14. С. 3]. Он подчеркивает, что изначальный смысл, вложенный в этот термин американцами прагматичен, и подразумевает, в первую очередь, то, что со временем в нынешних реалиях информационная или же информационно-психологическая война вытеснит привычные формы военных конфликтов [14. С. 4]. Автор отдельно отмечает, что в американской парадигме, создавшей само понятие, информационно-психологические войны воспринимаются не столько как метод ведения войны сам по себе, нежели как термин, предназначенный для теоретического оформления вектора внешней политики Соединенных Штатов [14. С. 4]. В рамках этой статьи под понятием «информационная война» будет пониматься такие методы ведения боевых действий, которые были направлены на подавление воли противника к сопротивлению, на его моральное и нравственное разложение, на обеспечение доминанции в информационном поле в глазах широкой, мировой общественности.

Война в Персидском заливе. По официальной позиции Соединенных Штатов Америки, война в Персидском заливе была инициирована Ираком в целях улучшения своего экономического положения после Ирано-Иракской войны 1980-88 годов [30]. На фоне выросшего военного потенциала, Ирак начал открыто

выражать недовольство урегулированием цен на нефть, обвиняя Кувейт и другие страны Персидского залива в демпинге, не позволявшем пополнять бюджет страны [30]. Среди других причин начала войны в Персидском заливе, исследователи также отмечают стремление стран-союзниц к стабилизации геополитической обстановке в регионе и помощи Израилю, территориальный конфликт между Кувейтом и Ираком за право нефтедобычи в Румайле – одном из крупнейших мест залеганий нефти в регионе и во всем мире [7]. В контексте данной исследовательской статьи, эта война примечательна тем, по какому принципу осуществлялась информационная война, которую использовали силы коалиции (в большей степени – вооруженные силы США), и к каким дальнейшим последствиям в рамках эволюции практик информационных войн это привело.

Конфликт, начавшийся в 1990 году, и направленный на восстановление независимости Кувейта от иракской оккупации, во многих своих проявлениях стал инновационным, в частности, с точки зрения имплементации техник информационной войны. Учитывая тот факт, что основными представителями объединенных войск были США (по числу личного состава развернутой группировки войск), значительная часть медиа-освещения конфликта лежала на их представителях, в том числе, на негосударственных новостных агентствах. Важно упомянуть, что незадолго до событий в Персидском заливе, вооруженные силы США пытались урегулировать вопросы, касавшиеся деятельности СМИ по освещению ведения боевых действий [28. С. 560]. Исходом диалога ВС США и СМИ стала своего рода «сделка» между ассоциацией прессы США и вооруженными силами, получившая название «Отчет Синдла» [28. С. 561]. Суть договоренности, достигнутой на момент начала войны в Персидском заливе сводилась к тому, что взамен на доступ к информации непосредственно с театра военных действий, СМИ обещались внедрить самостоятельную цензуру материалов, попадавших на полосы изданий [26].

Конкретно, СМИ могли получать информацию непосредственно от пула журналистов, которые находились на театре военных действий. Материалы, которые они собирали, проходили тщательную проверку на месте офицерами по связям с общественностью, имевшими полномочия не допустить материалы к публикации [28. С. 568]. Основаниями для отказа в публикации могли быть либо разглашения в тексте статьи каких-либо материалов, касавшихся диспозиции, численности, состояния подразделений армии США, информации о технической оснащенности, укомплектованности частей, и любых других сведений, которые могли бы быть использованы иракской стороной [28. С. 568]. Отдельно, стоит оговориться о том, что даже при соблюдении данных правил, материалы могли все равно быть не допущены к дальнейшему распространению, а сама информация, выдаваемая на брифингах уполномоченными представителями армии США, была, во-первых, скудной, а, во-вторых, была жестко урезана в объеме и интенсивности с началом сухопутной наступательной операции [26].

В рамках информационной войны, США продемонстрировали высокую степень адаптивности к условиям мира, где в деятельности СМИ активно применяли

технологии для быстрой передачи информации. Создав свод жестких правил и тщательно сортируя информацию, которую журналисты отправляли в свои издательства, американские военные смогли добиться эффекта, при котором количество информации было ограничено настолько, что у журналистов, освещавших эти события, не было возможности выбирать, а, наоборот, приходилось публиковать все, что было возможно. В подобных условиях, когда доступ журналистов к информации был строго ограничен, военное руководство США начало «скармливать» им ту информацию, которую было выгодно опубликовать, дабы дезориентировать противника. У журналистов не было ни возможности, ни выбора не публиковать то, о чем говорили на брифингах, поэтому, например, в прессе появлялись «вбросы» о планах масштабной высадки морского десанта в Кувейте, или о заведомо ложных районах концентрации группировки войск [7. С. 569]. Таким образом, военное руководство операции одновременно контролировало работу СМИ и достигало своих военных целей путем распространения дезинформации среди сил Ирака.

Войну в Персидском заливе по праву можно назвать одной из самых цензурируемых войн в современной истории человечества. Американское военное руководство приложило максимум усилий к тому, чтобы жестко ограничить поток информации, который был сгенерирован ведением боевых действий против Ирака. Рассматривая этот конфликт с точки зрения информационной войны как вспомогательного инструмента, нельзя забывать о том, что направленность информационных войн не замыкается только на противнике. Так, высокая степень закрытости информации, ограничение работы журналистов и новостных агентств, сокрытие множества деталей хода конфликта – все эти методы позволили Соединенным Штатам обеспечить себе главный фактор своего успеха. Логично утверждать, что, как и в вопросе военной подготовки, так и экономически, так и геополитически, война в Персидском заливе – война максимально неравных по силе соперников [26]. Единственным важным условием для эффективности проведения операций в Персидском заливе для США был вопрос поддержания правильного настроения внутри страны в отношении этой кампании.

Для Пентагона критически важно было обеспечить лояльность граждан к проведению внешней военной операции, поскольку именно этого зависели вопросы поддержки текущей власти, и, как следствие, финансирования операции. Стоит отметить, что, в целом, население США не поддержало начало военной операции – большинство респондентов на момент начала конфликта высказались против проведения операции за границей Штатов с численностью контингента выше 1.000 [24. С. 27]. Для рядового гражданина Штатов, война была приемлема, пока она: 1) выигрывалась с минимальными потерями; 2) служила благой цели благими намерениями [24. С. 26-28]. Для обеспечения благоприятной для избирателя картины происходящего в СМИ, Пентагон проводил операции с колоссальным преимуществом в огневой мощи, после длительных авиа-подготовок [30], а также уделяя отдельное внимание поддержанию негативного образа врага в медиа-пространстве.

Так, ярким примером подобного освещения Иракской стороны конфликта в медиа, являются сюжеты о разливах топлива в Персидском заливе. Данные акции проводились силами Ирака с целью устрашения мировой общественности, демонстрации силы, возможности контролировать обстановку в регионе, в том числе – экологическую. В сюжете ITN (Британское медиа) наблюдается акцент на жертвы, которые ведет за собой экологический терроризм, уделяется пристальное внимание последствиям разлива нефти для окружающей среды [21]. В свою очередь, этот сюжет может быть примером того, как силы союзников разлагали образ своего врага, апеллировали к мировой общественности, демонизировали стоявшие за ним силы Ирака.

Тактика работы со СМИ с акцентом на всех негативных акциях противника и созданием информационного вакуума вокруг невыигранных тем (сокрытие числа жертв среди своих сил, количества убитых мирных жителей [24],) полностью соответствует ныне действующим полевым руководствам армии США по проведению информационных и психологических операций [22; 27]. В частности, в мануале по осуществлению информационных операций подчеркивается то, что подобные операции должны вести к усилению всех других методов ведения боевых действий [22. С. 9]. В свою очередь, руководство по проведению психологических операций говорит о важности контр-пропаганды, которая сыграла решающую роль в обеспечении победы над Ираком в поле информационной войны, благодаря жесткой цензуре материалов СМИ [27. С. 252].

Югославские войны. Конфликт в Югославии значительно отличается от вышеописанной войны в Персидском заливе и, вместе с этим, имеет множество схожих с ним черт. Фактически, Югославские войны затянулись на десять лет, во время которых произошло несколько разных конфликтов между различными участниками, преимущественно, народов, проживавших на территории бывшей Югославии и заявивших о своем желании выйти из нее, обосновав суверенные государства. Преимущественно, конфликты возникали между сербами и другими этносами, проживавшими на данной территории Балкан. Важно понимать, что население бывшей Югославии многоконфессионально, что усиливает и без того высокий градус напряжения. Все эти факторы не только обостряли конфликт сами по себе, но также использовались в СМИ для искусственного нагнетания общественного мнения против Сербии, в частности, в рамках известного документального проекта «The Death of Yugoslavia», снятого BBC, и сыгравшего свою существенную роль в формировании мнений обывателей о конфликте [29].

Погружаясь в роль СМИ, и, как следствие, информационной войны, проводимой в ходе течения Югославских войн, необходимо отметить несколько критически важных моментов. Во-первых, активно использовалась все та же тактика демонизации сербов в глазах мировой общественности. Здесь стоит упомянуть инцидент в селе Рачак, в ходе которого убитые сербскими полицейскими боевиками-албанцы были переодеты в гражданскую одежду и впоследствии выданы за мирное население через рапорт миссии ОБСЕ [11. С. 3]. Следующим шагом

в этой истории стала конференция в Рамбуйе, на которой все было сделано таким образом, чтобы максимально обвинить югославскую сторону в нарушении всех прав человека и прочих договоренностей, при этом, не позволяя диалогу быть конструктивным – не было встречи албанской и сербской делегаций, вопросы независимости Косово не обсуждались одновременно с их представителями: главной целью НАТО в рамках этой конференции была легитимация своего присутствия и последовавших военных операций [11. С. 3]. Фактически, многие исследователи утверждают, что США не просто хотели добиться подтверждения правоты своего присутствия в регионе, но и вовсе ставили Югославию перед ультиматумом – либо отказаться от принципов суверенности, либо быть подвергнутой массированным бомбардировкам со стороны альянса [23. С. 5].

Среди исследователей проблематики информационных войн нет консенсуса на счет того, когда именно информационная война в парадигме США вышла за рамки радио-электронной борьбы и работы, направленной на разрушение сетей коммуникации противника, и переключилась на решение задач по обеспечению поддержки действий войск в глазах мировой общественности. Так, часть исследователей считает, что это случилось в 1999 году, непосредственно в ходе Югославских войн [13. С. 4]. А. Касюк указывает на тот факт, что силы США вели подготовку к захвату медиа-поля еще с 1998 года, нагнетая «антисербскую истерию» в СМИ, делая акценты на этнических чистках, чтобы в глазах Запада сделать вариант силового решения проблемы этически приемлемым [13. С. 3-4]. Тем не менее, сравнивая Югославские войны с конфликтом в Персидском заливе автор утверждает, что, в ходе последнего, акции США не носили столь же продуманный характер, а противостояние в информационной войне достигалось, в первую очередь, благодаря демонстрации силы оружия, как это было в рамках операции «Буря в пустыне». На основе вышеприведенных в сведениях, сложно полностью разделить данную позицию автора, поскольку уже в 1990 году США продемонстрировали умение работы с прессой, которое смогли реализовать как военное преимущество.

Еще одна важная схожесть этих двух конфликтов – обе войны были войной-интервенцией, в рамках которой США и их союзники вторгались на территории, не ограничиваясь сугубо воздушными или информационными операциями. Декларируя свои демократические намерения и желание не допустить дальнейшего ухудшения ситуации, вооруженные силы США занимали территории стран, устанавливая на них свой контроль, в том числе, и над информационным полем в виде радио- и телевышек [13]. Операции в Персидском заливе и в Югославии обосновали начало эры пост-Холодной войны, в которой военная доктрина США предусматривала гуманитарные интервенции в очаги конфликта с целью нивелировать его и, тем самым, обеспечить себе влияние в регионе [25. С. 4]. Публичным обоснованием такой доктрины для Штатов стала забота о традиционных ценностях защиты суверенности, однако усложнялось это тем, что местное население Штатов необходимо было убеждать в том, что операции за тысячи километров от границ – национальный интерес [25. С. 4].

Заключение. Сравнение двух конфликтов наглядно демонстрирует то, что необходимо было уделять большее внимание вопросам не только прямых военных угроз в виде наращивания группировок войск НАТО вокруг России или наделения их большими полномочиями, но и на вопросы информационной безопасности.

По итогам конфликтов в Персидском заливе и в Югославии мир окончательно перешел к использованию информационной войны в качестве одного из основных методов ведения боевых действий. К XXI веку становится очевидным, что прямое боевое взаимодействие с силами противниками, во-первых, нежелательно из-за потенциальных потерь, а, во-вторых, недостаточно для победы над врагом. С целью достижения целей, поставленных в рамках боевых операций, необходимо использовать все инструменты, в первую очередь, информационного воздействия на силы противника, демонстрацию военной мощи, дезинформацию, вести работу с прессой, мировой общественностью, своим населением.

Говоря о том опыте, который несут в себе проанализированные события, стоит особенно подчеркнуть то, что условный противник России в лице США получил значительные практические навыки работы с информационной составляющей конфликтов. Учитывая это, многие исследователи крайне рекомендуют уделять особое внимание вопросам информационной безопасности, введению более жесткого государственного контроля над СМИ, разработке концепций осуществления сопротивления информационному влиянию противника, как в мирное, так и в военное время [16].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алаудинов А.А.** Цели и задачи России в специальной военной операции на Украине и в гибридной войне с коллективным Западом // Вопросы политологии. 2024. № 5.
2. **Алаудинов А.А., Стригунов К.С., Гончаренко А.Р.** Структура и характеристика субъектов военного конфликта на Украине и его основные отличия от гибридных войн в Сирии и Ливии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6.
3. **Алаудинов А.А.** Современные подходы ведения гибридных войн США, Великобритании, Франции, Германии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 3.
4. **Алаудинов А.А., Манойло А.В.** Когнитивная и ментальная составляющие современной гибридной войны // Вопросы политологии. 2024. № 2.
5. **Араев С.И., Титов М.К.** Украинский неонацизм как инструмент политических элит стран Запада в борьбе с Россией // Вопросы политологии. 2024. № 5.

6. **Буданцев Э.В.** Информационная безопасность как фактор стратегического суверенитета на пространстве Большой Евразии // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 6.
7. **Волковский Н.Л.** История информационных войн. Часть 2. СПб.: «Полигон», 2003.
8. **Волох О.В., Костюков В.А.** Влияние средств массовой информации США на формирование общественного мнения в России // Вопросы политологии. 2023. № 11-1.
9. **Горбунов Н.С.** Элементы внешнеполитической стратегической коммуникации в доктринальных документах России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 6.
10. **Егорова М.Р.** Информационная война как угроза национальной безопасности страны в современном мире на примере конфликтов XXI века // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. № 7.
11. **Жиленко М.Н.** СМИ о военной агрессии на Балканах 1999 г.: проблемы формирования общественного мнения // Вестник славянских культур, 2017.
12. **Иващенко З.С., Васильченко О.В., Григорян Д.К., Малявина А.Б.** Фейковые новости о ходе проведения Специальной военной операции как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 9.
13. **Касюк А.Я.** Информационно-психологические операции: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018.
14. **Манойло А.В.** Информационно-психологическая война: факторы, определяющие формат современного вооруженного конфликта. Киев, 2005.
15. **Милоевич Л.** Самостоятельность ЕС и специальная военная операция Российской Федерации на Украине // Вопросы политологии. 2024. № 5.
16. **Панарин И.Н.** Информационная война и геополитика. М.: «Поколение», 2006.
17. **Почепцов Г.** Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: ЭКСМО, 2015.
18. **Скворцов Я.Л., Казарян Г.И., Курилкина Е.А.** Гибридная война: информационные стратегии НАТО и вызовы для России // Вопросы политологии. 2024. № 8.
19. **Сулейманов Э.А.** Реализация информационной политики государства в современных условиях // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 2.
20. **Уртаева Э.Б.** Геополитические аспекты информационных войн и их влияние на политические процессы // Вопросы политологии. 2024. № 3.
21. 1991. The Gulf War: Persian Gulf Oil Spill // YouTube.com // <https://www.youtube.com/watch?v=eebhq6sSE8A>.
22. Information Operations. Headquarters, Department of Army, Washington DC, 2016.

23. **Karen Talbolt.** The Real Reason for War in Yugoslavia: Backing up Globalization with Military Might // Social Justice, Vol. 27. No. 4. 2000.
24. **Marie Gottschalk.** Operation Desert Cloud: The Media and the Gulf War // World Policy Journal. Vol. 9. No. 3. 1992.
25. **Michael Mandelbaum.** A Perfect Failure. NATO's War against Yugoslavia // Foreign Affairs. Vol. 78. No. 5. 1999.
26. **Philip Taylor.** The Gulf War and Media: Some Conclusions, 1992.
27. Psychological Operations Process Tactics, Techniques, and Procedures. Headquarters, Department of Army, Washington DC, 2007.
28. **Stebenne D.** The military and the media: The Gulf Conflict in Historical Perspective. The media at war. New York, 1991.
29. The Death of Yugoslavia // YouTube.com // <https://www.youtube.com/playlist?list=PLdw7wnKe0wiUSNdugFGpnSfm6wt-9gvUt>.
30. The Gulf War // <https://history.state.gov/milestones/1989-1992/gulf-war>.

M.V. SHUDRIK

Postgraduate student, Saint Petersburg
State University, Saint Petersburg, Russia

THE INFORMATION WARS IN 1990-2000S: THE CONSEQUENCES AND EXPERIENCE

The article analyzes two major conflicts of the late 20th century – the Persian Gulf conflict and the Yugoslav Wars. The conflicts are examined in the context of information warfare, and the research focus of the paper is on assessing the means and methods used by the US and its allies during the conflicts. The paper chronologically reviews the conflicts, emphasizing the operations and actions that were used as means of psychological and informational influence. In the process of comparing these conflicts, the key vectors of the development of the vision of information warfare in the late 20th century are identified, and the evolution of the concept of information warfare is assessed. The main objective of the study is to identify the specific patterns of information operations used on the basis of these conflicts in order to determine their capabilities, causes and consequences of their implementation in the course of military operations. The author concludes that by the beginning of the 21st century the United States has moved to a new stage in the development of its military doctrine, having identified information warfare as one of the keys to achieving the goal of containing the development of a multipolar world. Based on this conclusion, the author emphasizes the need to update the military doctrine of the Russian Federation, which would take into account the challenges posed by the conventional enemy and modern realities, taking into account the rich experience of the United States in conducting operations of this kind.

Key words: Persian Gulf, Yugoslavia, NATO, mass-media, information.